

Нечипорук Д. М.

«В ПРОПАГАНДИСТСКОМ ЗАЛЕ»: КРАСНЫЙ ЕКАТЕРИНБУРГ В ВОСПРИЯТИИ ЖУРНАЛИСТА ФРЭНСИСА МАККУЛАГА¹

Среди многочисленных свидетельств, написанных иностранцами о России в эпоху Гражданской войны, особое место занимают эго-документы, в которых рассказывается о событиях на Урале и в Сибири. Далеко не все из них полноценно введены в научный оборот. Травелог ирландского журналиста Фрэнсиса МакКулага «Пленник красных: история британского офицера, пойманного в Сибири», находившегося в России в составе британской военной миссии Нокса, опубликованный в 1921 г. в Лондоне является важным свидетельством о событиях Гражданской войны, происходивших на Урале в первой половине 1920 г. Значительная часть книги посвящена Екатеринбургу — городу, в котором журналист останавливался три раза в 1918–1920 гг. Помимо описания повседневной жизни Екатеринбурга, МакКулаг пытается разобраться в причинах поражения армии Колчака. Ценность книги МакКулага заключается в том, что он в ходе своего путешествия сумел пообщаться с видными уральскими большевиками, а также провести собственное расследование причин гибели императорской семьи. МакКулаг стремился передать всю сложность обстановки на Урале, показав, как советская пропаганда и непродуманные действия белых predetermined победу большевизма.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, 1920, Екатеринбург, большевики, пропаганда, военная журналистика, эго-документ.

Вступление переводчика

Эго-документы, написанные иностранцами-очевидцами о российской революции 1917 г. и Гражданской войне, занимают особое место среди всего многообразия источников по российской истории. Помимо дневников, писем и мемуаров, написанных некоторое время спустя после описываемых событий, иностранцы оставили немало публицистических работ, в которых описывали увиденное и пережитое в России по горячим следам². В них личные свидетельства о повседневном неразрывно переплетены с попытками объективно разобраться в увиденном, особенно когда речь шла о больших драматических событиях в России. Подобные работы чаще всего писались как травелоги, где авторское отношение к случившемуся играет первостепенную роль. Причём сам травелог подразумевает жанровое разнообразие. Книга может

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

² См.: Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. М., 2015. С. 158–183.

включать в себя очерк, воспоминания, репортаж и даже интервью³. Но именно позиция и оценки автора определяют тональность работы, которая выносится на суд читателя.

На фоне самых разнообразных взглядов и мнений о советской России в Лондоне в 1921 г. вышла книга-травелог «Пленник красных: история британского офицера, пойманного в Сибири» ирландского журналиста Фрэнсиса МакКулага (1874–1956). Британский журналист, специализировавшийся на освещении событий в горячих точках, и, дважды до революции посещавший Россию, хотел в своей книге дать читателю исключительно фактическое описание своего опасного путешествия из Сибири в европейскую часть России. Находясь в составе британской военной миссии Альфреда Нокса, МакКулаг в чине капитана был зачислен в отдел пропаганды. Являясь де-юре разведчиком и британским офицером, МакКулаг наблюдал за Гражданской войной как военный журналист, оценивая события сквозь призму своих личных религиозных и политических убеждений. Задержанный большевиками в январе 1920 г. в Красноярске, вместе с группой других британских офицеров, МакКулаг сумел скрыть причины своего пребывания в Сибири и выдать себя за журналиста. Это позволило ему отправиться на поезде с Востока на Запад в сторону финской границы, рассчитывая благополучно покинуть страну. Но без проблем и испытаний путешествие не обошлось. Проехав Ново-Николаевск, Омск, Екатеринбург и добравшись, в конце концов, до Москвы, МакКулаг в апреле 1920 г. был арестован ЧК и провел несколько дней в Лубянской тюрьме. В мае 1920 г. журналист наконец смог выехать из России и вернуться в Лондон⁴.

В отличие от других публикаций о первых годах правления большевиков, свидетельства МакКулага представляют интерес по нескольким причинам. Во-первых, эта книга была написана как ответ на тенденциозное изображение большевизма в англо-американской публицистике, хотя сам автор не был сторонником коммунистической идеи. Во-вторых, католицизм МакКулага, его религиозный нонкоформизм, ощущаемый им в Великобритании, где были сильны антипапские настроения, сказался на его восприятии большевиков. В его книге неоднократно встречаются сравнения антирелигиозной политики большевиков и антикатолической пропаганды в Великобритании. В то же время МакКулаг увидел в стремлении большевиков построить новый мир чисто религиозное рвение, сравнимое с энтузиазмом пуритан. В-третьих, публикации и выступления МакКулага в англо-американской печати были важным свидетельством в пользу версии о гибели царской семьи от рук большевиков⁵. Сам журналист считал, что трагические события произошли по инициативе местных большевиков. Во время своего пребывания в Екатеринбурге МакКулаг провёл своё расследование причин гибели императорской семьи. В-четвертых,

³ Dorr R. Inside the Russian Revolution. New York, 1917; Poole E. The Dark People. Russia's Crisis. New York, 1918; Lansbury G. What I saw in Russia. New York, 1920.

⁴ О МакКулаге см.: Horgan J. The Great War Correspondent: Francis McCullagh, 1874–1956 // Irish Historical Studies. 2009. Vol. XXXVI. № 44. P. 542-563; Шабасова М.А. Американские журналисты в Советской России (1917–1923 годы) // Известия СмолГУ. 2016. № 2(34). С. 162.

⁵ Doubts Removed that Czar and his Family Were Assassinated // Sacramento Bee. 1920. 28 August. P. 1.

в путешествии МакКулага центральное место отводится не только увиденному в столице, но и в провинции. Особое внимание уделяется Екатеринбургу, которому посвящены четыре главы⁶. Он сумел трижды посетить город в годы Гражданской войны, причём дважды это было сделано в рамках своей разведывательной работы для Британской военной миссии: один раз в 1918 г., когда Екатеринбург был занят чехословацким корпусом, и в 1919 году, когда город контролировала армия Колчака⁷. Впечатления от третьего визита в Екатеринбург МакКулаг описал в главе «В пропагандистском зале». Данная глава была выбрана для перевода, поскольку она даёт полное представление, как о характере впечатлений автора об одном из ключевых уральских городов в годы Гражданской войны, так и сообщает много интересных подробностей о повседневной жизни и внешнем убранстве Екатеринбурга в феврале 1920 г. Перевод данной главы выполнен по изданию: McCullagh F. A Prisoner of the Reds: the Story of a British Officer Captured in Siberia. London, 1921. XVIII+346 p. Текст главы приводится практически полностью, были убраны несколько фрагментов, касающихся описания изображений на большевистских плакатах (р. 111) и ряд общих рассуждений (р. 120–122). В сносках даны пояснения переводчика.

Глава XII. В пропагандистском зале

Я провел две недели в Екатеринбурге и большую часть этого времени находился в городе, где я повидал много интересного и встретил некоторых ужасных людей, самым жестоким из которых был Юровский, убийца царя. Ранее я бывал в Екатеринбурге, сначала в 1918 году, когда там находились чехи, и снова в 1919 году, когда его оккупировали войска Колчака и батальон Гемпширского полка⁸. Оба раза город выглядел очень оживленным, железнодорожная станция была заполнена поездами, большинство из которых можно кратко охарактеризовать как полевые бордели. Платформа станции, местная улица Пикадилли в нескольких смыслах⁹, являлся любимым местом встреч для офицеров и женщин. Улицы были наводнены солдатами, лошадьми, такси и быстрыми автомобилями высокопоставленных генералов; магазины и закусочные, были полны еды; рынок заставлен крестьянскими тележками. Фактически это был (как и любая другая военная база) город выпивки и закуски, скученности, цвета хаки, «спекуляции», лошадей и греха. Он был шумный, несовершенный, с вкраплениями религии и вспышками благотворительности, со всеми его недостатками, человеческий.

Екатеринбург, который я увидел 19 февраля 1920 года, полностью изменился. Пытаясь описать перемены одним словом, я хотел сказать «большевизм», но обнаружил, что говорю «пуританство». Ибо между ними существуют самые удивительные сходства, возможно, потому что крайности

---

⁶ Главы XI, XII, XIII, XIV.

⁷ См. также отклики на книгу МакКулага: Дьяконов П. П. Россия и Англия // Общее Дело. 1921. № 296. С. 2-3; Irish Quarterly Review. 1921. Vol. 10. № 40. P. 655–657.

⁸ Речь идёт о 1-м батальоне 9-го Гемпширского полка.

⁹ Одна из центральных и наиболее оживленных улиц Лондона.

совпадают, и потому что одно дохристианское, а другое —постхристианское по своему характеру. Я знаю, что так не должно быть, и что Ленин должен сидеть на куче черепов, пьющий человеческую кровь, в то время как Троцкий должен каждый вечер участвовать в вакханалиях. Но, по сути, Ленин ведет столь же суровую жизнь, как и Оливер Кромвель, а Троцкий такой же занятой, как и Ллойд Джордж¹⁰.

Платформа екатеринбургского вокзала больше не была местом для гулянья. Туда люди ходили исключительно по делу. Иногда он был вообще пуст, если не считать трех мрачных и бдительных фигур в тридцати шагах друг от друга — янычаров Троцкого. Один большой зал на станции был превращен в тифозную больницу, а другой, большой — в «Уголок пропаганды»¹¹. Стены станции были покрыты объявлениями, но не успокаивающих таблеток и тоника для волос, а большевистской пропагандой. На каждом конце платформы было написано большое уведомление, приказывающее повелительным языком всем ответственным офицерам обязательно привести своих людей в «Уголок пропаганды» и подать там заявку на газеты и «литературу», которые будут выданы бесплатно. Это похоже на извещения, которые можно было бы встретить в армии Кромвеля, [где] благочестивых солдат отправляют в тихий шатёр, [чтобы] там неутолённая душа война могла обрести манну небесную в виде словесных излиний командира Зоровавеля, капеллана или святого капрала¹².

Эти «Уголки пропаганды» существуют на каждой станции по всей сибирской железной дороге и являются весьма примечательными учреждениями. В здании вокзала всегда выбирается самый большой зал, и там обычно председательствует красный солдат, отвечающий за управление и связь, и у которого есть в сторонке небольшой кабинет. Заведую там коллекцией большевистских газет, он в свободное время бьётся над объемными сочинениями Карла Маркса, указывая молодым на осужденную и вредную ересь Каутского, Аксельрода, Мартова и Гаазе¹³, или участвует в назидательной беседе о последней энциклике¹⁴ Ленина с мудрыми и безбожными коммунистами-ветеранами из местного Совета.

Над входом в екатеринбургский зал большими буквами было написано: «Кто не работает, тот не ест», а внутри помещения на стене виден знаменитый призыв Карла Маркса — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.»

Изображения и карикатуры, которыми было покрыто всё пространство внутри от пола до потолка, можно разделить на несколько групп: (1) те, что восхваляют Красную Армию и рассчитывают укрепить военный дух; (2) те, что

¹⁰ Автор иронизирует над тенденциозным изображением в Великобритании лидеров большевиков, пытаюсь найти схожие по масштабу фигуры в английской истории. О. Кромвель — лидер Английской революции, Э. Ллойд Джордж — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

¹¹ Имеется в виду красный уголок.

¹² Речь идёт о героях романа «Вудсток» (1826) английского писателя В. Скотта.

¹³ Речь идёт о российских и немецких социал-демократах, не поддержавших захват власти большевиками.

¹⁴ Энциклика — документ католической церкви, издаваемый от имени папы римского, в котором разъясняется официальная позиция организации по тому или иному вопросу.

проклинают капиталистов, священников и милитаристов; (3) те, что льстят рабочему и обещают ему господство над миром; (4) те, что гневно осуждают зарубежные страны, особенно, Францию и Англию. Ни в одном из пропагандистских материалов не было ни малейшего свидетельства веры в христианство, иудаизм или в сверхъестественное. Все эти пылкие призывы можно резюмировать словами: «Нет Бога, есть только коммунизм, а Ленин - пророк коммунизма». Железнодорожников убеждали не бастовать, а помнить, что стачка нанесёт смертельный удар по демократии и что, хотя их нынешние неудобства велики, наступило хорошее время. Там были таблицы, показывающие части пулеметов и способ изготовления бомб. Они сопровождались поясняющим текстом и обращениями к рабочим с просьбой вооружаться, тренироваться и изучать устройство их винтовок, чтобы никакая сила на земле не могла разоружить их и заставить снова вернуться в прежнее рабство. Рядом были графики, объясняющие устройство новейшей сельскохозяйственной техники, и призывавшие крестьянство становиться опытными агрономами.

Было много призывов учиться и множество изобличений невежества и неграмотности как непростительных преступлений, которые приведут только к тому, что капиталистическое ярмо снова будет закреплено на шеях рабочих. Нападения на религию состояли из карикатур, показывающих монахов и священников, делающих деньги на святых реликвиях и разбазаривающих эти деньги в личных целях на пирушках и занимаясь развратом. Священника иногда представляли, как огромного злобного паука, плетущего свою паутину вокруг мужика, его жены и детей; и эти антиклерикальные карикатуры, как правило, сопровождались низкопробными сатирическими стихами главного советского поэта, московского коммуниста, который пишет много грубых сатирических стихов под псевдонимом Иван Бедный¹⁵. Вся эта антиклерикальная пропаганда получила бы безоговорочное одобрение Английского протестантского альянса¹⁶, и я предлагаю, чтобы эти два влиятельных учреждения связались друг с другом для обмена «литературой». Множество огромных цветных карикатур были посвящены Колчаку и Деникину. Они смотрелись вульгарно, но эффективно. Одна карикатура представляла собой Колчака, сидящего в нетрезвом состоянии («Верховный правитель» и в самом деле иногда выпивал слишком много) на имперском троне со склонившимися перед ним дикарями-генералами и толстыми капиталистами и тучным, пьяным священником, благословляющим его. На заднем плане стояли французские и британские офицеры¹⁷.

На другой карикатуре изображены краснолицые, brutальные офицеры Деникина, стреляющие в женщин и детей в углу разрушенной избы¹⁸. Рабочий всегда был представлен как молодой, мускулистый, торжествующий мужчина в

---

¹⁵ Имеется в виду советский поэт Демьян Бедный.

¹⁶ Антикатолическая организация, выступавшая против Святого престола.

¹⁷ Плакат В. Н. Дени «Мы, Божьей милостью, Колчак...» (1919).

¹⁸ Плакат В. Н. Дени «Освободители» (1919).

рубашечных рукавах, с обнаженной шеей и руками, с молотом в руке и с земным шаром у его ног.

<...>

Некоторые плакаты были посвящены британскому правлению в Индии - солдатам, стрелявшим в индусов или бивших по ним из орудий. Сагибы в пробковых шлемах¹⁹ пашут силами туземцев, используя их вместо лошадей. Большевистский эксперт по ирландским делам товарищ Керженцев, который был в Ирландии во время пасхального восстания опубликовал ряд брошюр по теме ирландской революции и ирландского вопроса в целом²⁰. Будучи очень способным журналистом и руководителем РОСТА (Российского Социалистического Телеграфного Агентства)²¹, он извлекает огромную выгоду из нынешнего положения дел в Ирландии, хотя он понимает, что рабочий Оранжевого ордена из Белфаста гораздо ближе к нему во многих отношениях, чем католический крестьянин Типперэри²². Он, вероятно, вдохновлен также некоторыми ирландскими плакатами, в одном из которых Ирландия указана как яркий пример жестокости капитализма. Приводятся основные факты голода 1848 года: в стране было достаточно продовольствия, чтобы накормить всех простых людей, но большая часть его была вывезена, чтобы оплатить оброк, и в итоге из-за голода и эмиграции население сократилось с восьми миллионов до четырех миллионов.

Изображения, связанные с Карлом Марксом, придали Залу пропаганды почти религиозный характер. На одном из них показан тонущий корабль с надписью «Капитализм», в котором гибнет все человечество, за исключением одного человека, представляющего, по-видимому, большевистскую Россию, который стоит на плоту в форме открытой книги, на которой написано имя «Карл Маркс». Если заменить на Священное писание, эта картина была бы вполне подходящей для размещения в «Протестантской книжной лавке» г-на Джона Кенсита в церковном дворе Святого Павла²³. Там были также многочисленные бюсты Карла Маркса, выглядевшего очень патриархально с бородой и длинными волосами. Но самой заметной вещью была Красная звезда большевизма, огромная конструкция из красного стекла со светом внутри, закрепленная высоко на потолке, и бросавшая зловещий свет на огромную толпу, всегда собиравшуюся по вечерам.

Эти толпы приходили на песни и «обучение», которые проходили ежедневно с примерно 5 часов до полуночи. Мероприятия были очень популярными, потому что я никогда не имел возможности занять место, наблюдая стоя. Лучшие местные певцы и музыканты, а также хорошие исполнители из России выступали бесплатно на платформе в конце помещения,

¹⁹ Сагиб или Саиб — вежливая форма обращения к европейцу в колониальной Индии.

²⁰ П. М. Керженцев — видный советский государственный деятель, публицист, автор работ «Борьба за землю и волю в Ирландии» (1918), «Революционная Ирландия» (1918).

²¹ Имеется в виду Российское телеграфное агентство.

²² Оранжевый орден — протестантское братство, популярное в Ирландии, враждебно настроенное по отношению к католикам. Типперэри — небольшой ирландский город, где проживают католики.

²³ Джон Кенсит (1853–1902) — английский религиозный деятель, борющийся с влиянием католичества в Англиканской церкви. Собор Святого Павла — англиканский собор в Лондоне.

где находились фортепиано и оркестр. Исполнялись не только революционные песни. Также можно было услышать классические песни на стихи Пушкина и Лермонтова, а ещё музыку Чайковского и других великих композиторов. Чтение наизусть, лекции по искусству, образованию, социализму и тифу, а также любые мыслимые темы придавали зрелищу многосторонность. Тем временем «товарищи», которые хотели написать письмо или обучаться на досуге, пользовались читальным залом, в котором имелась почтовая бумага, конверты и справочные издания.

Улицы красного Екатеринбургa были намного тише, чем улицы белого Екатеринбургa, и почти все носили гражданскую одежду. Впервые за пять лет я оказался в городе, где можно часами гулять, так и не увидев мелькания хаки.

Я уже упоминал об убранстве в честь прибытия Троцкого. Оно было в форме повсюду развешанных красных флагов, состояло из множества триумфальных арок, сделанных из дерева и покрытых красной бумагой, с ветвями сосен, многочисленных картин Ленина и Троцкого на стенах и из других картин, а также огромного количества флаговой ткани, хвои, прозрачных пленок и цветной ткани на всех фасадах домов.

Антаблемент арки возле станции был закрыт с каждой стороны огромной картиной в двадцать квадратных футов. Картина на одной стороне изображала Ленина и Троцкого, едущих в дрезине по железнодорожному пути из старого горящего городка к новому и процветающему городу. Первый являлся капиталистическим, а второй являл собой пролетарскую цивилизацию. С обратной стороны Ленин был изображён управляющим локомотива по имени «Прогресс», который три иностранных офицера — англичанин, француз и американец тщетно пытались остановить, предлагая машинисту мешок с золотом. Однако он был полон решимости раздавить их. Подобные изображения были на всех других арках, и повсюду гигантскими буквами виднелся воинственный клич большевизма, провозглашавший: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Если что-либо когда-нибудь станет правдой благодаря постоянному повторению, то это объединение должно вскоре стать реальностью, поскольку девиз в качестве заголовка появляется в каждом номере газеты; он написан примерно на дюжине языков на большевистских бумажных деньгах; он присутствует во всех пропагандистских материалах и на правительственных бланках. Заботливая большевистская мать, наклеивающая этот лозунг на колыбель своего ребенка подобна американской матери, наклеивающей на неё «Боже, благослови наш дом», или подобна католической маме, которая кладёт в колыбель изображение Мадонны или Ангела-хранителя.

Однажды большевистский чиновник сказал мне: «Какое количество пропаганды мы сможем произвести, когда получим достаточно бумаги!» Но какое количество пропаганды они не сделают, если не обретут мир и не начнут развивать неисчерпаемые природные богатства своей страны! Электрические огни будут светиться гигантскими буквами на полуночном небе, и электрические сигналы будут мигать с крыш домов, не волнующими сообщениями типа «Попробуй чай Тэпли» или «Выпей виски Макферсон», а

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Возможно, затем они будут использовать в коммунистической и антихристианской пропаганде в Москве и Петрограде столько электроэнергии, сколько сейчас всего используется в коммерческой рекламе Нью-Йорка, Чикаго, Парижа и Лондона.

Бывшее британское консульство, которое было преобразовано в большевистское правительственное учреждение, покрыто декорацией с изображением Ленина, обрамленного хвойным венком в самом центре²⁴. Французское Консульство по соседству, которое было преобразовано в суд, было украшено аналогичным образом изображением Троцкого.

Бюст Петра Великого был снесен с пьедестала в центре города, а его место заняла большая мраморная голова Карла Маркса. Бюст Екатерины Великой тоже был свергнут²⁵. Перед Собором был большой пирамидальный памятник из дерева, покрытый красной тканью и с надписью «Труду». Он был украшен латунными табличками, на которых изображены полуобнаженные фигуры, работающих в шахтах, кузницах и на фабриках. Причём эти фигуры настолько хорошо сделаны, что мне кажется, что таблички были взяты из какого-то музея. Дом Ипатьева, где был убит царь, был превращен в учреждение политического департамента, и на нем была большая картина, изображающая Красную армию, наступающую сквозь дым и снег²⁶. Площадь перед этим домом называлась Вознесенской, но теперь она переименована в площадь Народной мести. Это показывает, что большевики, не сомневаются в убийстве царя, в котором некоторые люди в этой стране до сих пор не признаются. Улица, которая идёт на север и юг от этой площади, называется улицей Карла Либкнехта, а другая главная улица, на которой расположен муниципальный театр, называется улицей Ленина²⁷. У всех оставшихся улиц и площадей также были изменены названия, названные в честь выдающихся революционеров прошлого или настоящего (даже в честь Стеньки Разина, русского Джека Кэда²⁸) или в честь талантливых, хотя и бедных писателей как Мамонтов-Сибиряк²⁹.

Раньше в Екатеринбурге было мало государственных учреждений и не было клубов, но теперь есть целые улицы, состоящие только из них. Однако вместо содействия предпринимательству, увеличение числа правительственных учреждений убило бизнес. Государственный контроль душит все виды частной инициативы. Инженер, работавший в Совете, сказал мне, что однажды для того, чтобы поставить вопрос, представляющий неотложный общественный интерес, ему пришлось посетить пять различных учреждений, в том числе правительственные учреждения, занимающиеся железнодорожными работами и уральской промышленностью, а также «профсоюз» промышленных рабочих. Британская общественность имела некоторый опыт того, как во время войны правительство руководило работой железной дороги, которая ранее была в

²⁴ Консульство располагалось на Вознесенском проспекте.

²⁵ На самом деле это был бюст Екатерины I.

²⁶ Некоторое время в доме Ипатьева располагались штабы Красной Армии и Трудовой армии.

²⁷ Имеется в виду Театр оперы и балета.

²⁸ Вождь крестьянского восстания в Англии в 1450 г.

²⁹ Имеется в виду писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк.

управлении частных предпринимателей. Но хаос в России в тысячу раз больше и вызывает крайнее раздражение даже среди удивительно терпеливых людей этой страны, которые веками приучены к самым утрированным формам бюрократизма.

Один человек рассказал мне, что, если он потеряет пуговицу от брюк, ему в первую очередь нужно будет получить разрешение от домкома. Затем ему придется отнести это разрешение комиссару. Потом он должен сходить в госучреждение, где ему дадут направление в госмагазин. Затем он целый день ждёт в очереди за порогом госмагазина, чтобы узнать, когда придет его черёд, что пуговицы закончились и теперь ему придется пойти в аналогичный магазин в другом конце города и ждать весь день там в очереди. Пуговица в качестве церковного пожертвования является источником неиссякаемой радости для бедствующих русских и польских священников. За целую тарелку бумажных денег и почтовых марок, которые щедро жертвуют верующие, не купишь столько, сколько за пачку сигарет.

Я пытался получить двухпенсовый сульфат магния, очень дешевый и распространенный препарат на Урале, но я обнаружил, что сначала мне нужно посетить множество разных контор, так что я оставил эту затею и в отчаянии попросил по-дружески фельдшера достать его для меня. Фельдшер сказал мне, однако, что его попытки были безуспешны из-за сложности процесса. Это не исключительные случаи, они являются правилом. Я часто говорил большевикам, что если бы такое правительство было создано в Англии, то сами рабочие или их жены смели бы его через двадцать четыре часа.

Эти заведения постоянно растут в количестве, что мы наблюдали в Англии во время войны. У них даже есть связь, позволяющая различным департаментам сообщаться друг с другом.

Количество «профсоюзов» тоже очень велико. Существуют профсоюзы железнодорожных механиков, металлистов, слесарей и столяров, сантехников и т.п. Но они отличаются от наших профсоюзов, поскольку эти абсолютно бесправны.

Большинство домов, которые не заняты госучреждениями и профсоюзами, используются как клубы для рабочих (у которых нет работы) и как актовые залы для Комсомола, широко распространенной организации, которую советское правительство очень поощряет. Ему очень хочется приобрести власть над подрастающим поколением, чтобы воспитать его на основе большевистских идей. Иногда можно увидеть, как рабочие расслабляются в глубоких креслах роскошного клуба, в то время как голодающий буржуа, который ранее безмятежно подрёмывал на одном из этих кресел. Теперь он стоит на заснеженной улице и прижимается носом к холодному оконному стеклу в попытке увидеть то, что происходит внутри, и, возможно, в надежде получить возбуждение от вида пикантных яств. И если он бродит по улицам слишком поздно вечером, он рискует столкнуться с «рабочими», возвращающимися в своих быстрых санях из театра, где они получают бесплатные места, в то время как ему вообще не положено места. Самый большой клуб в городе предназначен для рядовых солдат и называется

клуб имени Троцкого. Снаружи висит большой портрет Троцкого и полковники, генералы и офицеры штаба, я полагаю, не имеют права на членство и должны развлекаться как умеют: дома или в менее роскошных местах. Другие клубы названы в честь менее известных большевистских лидеров. Некоторые детские дома, больницы и общественные читальни названы в честь Крупской и других женщин-большевичек.

Как только красные вошли в город, все стало достоянием государства. Один из большевистских чиновников юмористически описал мне, как он въехал в один из лучших домов на улице Карла Маркса и «занял» его, после чего получил большую партию дополнительной мебели, обратившись в Комитет по расквартированию, который прислал ему алебастровый стол, шелковую ширму из Японии, прекрасный диван и разнообразную коллекцию дорогих стульев. Он понятия не имел, откуда взялась большая часть этого добра, но подозревал, что часть её была вывезена с поместья богатого немецкого беглеца по фамилии Шмидт.

Я познакомился с главным большевиком в городе, большим бородатым мужчиной лет тридцати, похожим на австралийского сквоттера, бывшим мастером на одном из уральских заводов³⁰. Он неоднократно сидел в тюрьме за свою революционную деятельность в царскую эпоху. Он потерял три пальца на фабрике, и получил компенсацию восемь пенсов за каждый палец и два года сражался с Колчаком. В Америке или Канаде он начал бы как успешный предприниматель, став трастовым магнатом с состоянием в сотни тысяч фунтов. Он знал всё о минералах и был предприимчивым. Правление Николая II превратило его в озлобленного и опасного революционера. Столь же разрушительное правление царя Ленина сделало из него неисправимого политика, лишив уральскую промышленность его способностей. Он был выбран горсоветом представителем во Всероссийский Совет, и я впоследствии встретился с ним в Москве.

Этот человек, которого я назову Ивановым, показал мне Екатеринбург, и я был удивлен тем, как он это сделал.

«Там, — сказал он, — ресторан, где пили офицеры Колчака, сейчас это школа. Вот поместье, которое старый генерал подарил царю, сейчас это детский приют. Здесь жил богатый шахтовладелец, теперь это казарма и т. д. Заходя в прекрасный музей, мы увидели портреты местных знаменитостей. «Большинство из них будут сняты», — сказал он. — Видите этого человека с саблей? Он был сахароторговцем, который подкупал направо и налево в придворных кругах, пока не получил гражданский чин, соответствующий званию генерала армии. Он подготовил большой прием для Александра II, когда тот приезжал сюда. С тех пор все эти украшения. Этот человек в очках? О, он был великим геологом и бедным человеком. Его портрет останется висеть».

В музее ему представилась возможность показать свою ненависть к старому порядку, который он помог разрушить. За витриной была выставлена

---

³⁰ Речь идёт об А. И. Парамонове (1891-1970).

старинная придворная одежда рядом с крестьянской одеждой. Он насмеялся над придворными платьями и указывал на превосходство крестьянских костюмов как с точки зрения комфорта, так и с художественной точки зрения. Ещё была коллекция предметов, датируемая эпохой крепостного права, и размещенная не большевиками, а еще во времена империи. Среди них были железные оковы, тяжелый железный ошейник для шеи, кнут для бичевания крепостных и различные орудия пыток. Его лицо почернело, когда он посмотрел на них.

«Удивлены ли вы, — сказал он, — что уральские шахтеры не испытывают особой привязанности к капиталистам и царям? Первые шахтеры в этом городе жили, как дикие звери, и работали в цепях».

Если таких русских, как он много, то я не думаю, что имперское правительство когда-нибудь вернется. Однако такие русские поддерживают большевизм не потому, что им это нравится, а потому, что они думают, что он является более прочным оплотом против империализма, чем правительство Керенского. Тут говорят, что если бы эсеровское правительство продержалось год, то царь мог бы снова занять трон до конца 1918 года. По тому, что они смирились сейчас с Лениным, можно измерить их отвращение к Николаю.

На заседании областного Совета, где председательствовал Иванов, я сидел в крестьянском овечьем тулупе за репортерским столом и пытался выглядеть как можно более простецки. Было несколько вещей, которые мне понравились на собрании, хотя я бы не стал рекомендовать их к принятию нашим законодательным собранием. Во-первых, выступления были короткими, не более десяти минут. Во-вторых, между речами исполнялись музыкальные номера духового оркестра. Были сыграны «Марсельеза», «Интернационал» и траурный похоронный марш, которым русские революционеры почтили своих товарищей, павших в борьбе с царизмом в 1905 году.

Выборы делегатов, состоявшиеся на этой встрече, были фарсом. Короче говоря, правящая клика назвала кандидатов, и никто не осмелился противостоять ей, опасаясь выглядеть подозрительно. Все большевистские выборы проходят так: от выборов в сельский совет до выборов во Всероссийский совет. Избрание меньшевиков становится почти невозможным, не только из-за этой практики, но также и потому, что ни один кандидат, не являющийся коммунистом, не может что-либо напечатать, выступить на собрании, написать в газету или получить пропуск на железную дорогу.

Из-за национализации всех частных библиотек в городе насчитывается около тринадцати или четырнадцати новых библиотек, но все они предназначены для пролетариата. У простого буржуа, такого как я, не больше шансов попасть в одну из них, чем у трубочиста быть принятым в клуб «Атенеум»³¹.

Поэтому мне пришлось бродить по улицам. Вскоре меня стали раздражать светящиеся коммунистические панегирики, которые глядели на

---

³¹ «Атенеум» — частный элитарный общественно-политический клуб в Лондоне.

меня со всех стен и с каждой триумфальной арки. Они казались сутью большевизма, состоящим только из больших обещаний и бездействия. В городе было много коммунистических столовых, но они были только для коммунистов. И у всех был неприятный вид работного дома. И так повсюду, за исключением того, что одни назывались советскими государственными столовыми для взрослых, а другие — советскими государственными столовыми для детей. Последних хорошо кормят, как в Екатеринбурге, так и в Москве, но, как я объясню ниже, все это является частью большой и искусной схемы, чтобы отлучить их от матерей и заставить их считать себя детьми государства.

Все взрослые большевики, которые посещали эти столовые, искренне их ненавидят и говорят, что еда там очень плохая. Мне всё-таки удалось попасть туда, хотя в ней было нечего есть. Столовая произвела на меня неприятное впечатление. Такая национализация ресторанов никогда не будет воспринята британским рабочим, и я не уверен, что такое понравится британскому бродяге. Приём пищи в таком месте заставляет почувствовать себя свиньей, которую кормит хозяин.

<...>

Отторгнутый унылым и казарменным интерьером советских столовых, я пытался купить еду в другом месте, но выяснилось, что это совершенно невозможно. Снова и снова меня манили нарисованные и соблазнительно иллюстрированные вывески, сохранившиеся с царских времён, сообщавших что в наличии есть хлеб, масло, сахар, кофе, мёд, молоко и варенье.

Я всегда натыкался на закрытый и пустой магазин, разбитую витрину, битое стекло на полу, пыль толщиной в дюйм на прилавке и паутину на ржавых весах. Когда это произошло в сотый раз, я навсегда потерял всякую веру в большевизм как вменяемую правительственную систему. Но будучи очень голодным, я решил наведаться в несколько укромных маленьких мест, где ранее я покупал превосходный хлеб и бесподобное сибирское масло. Ни один из них не был открыт в течение шести месяцев. Вся торговля прекратилась, когда красные вошли в город точно так же, как вся торговля прекратилась в Помпеях после извержения Везувия.

Дело не в том, что Красная Армия всё съела или что в том, что еда направлялась в европейскую Россию. Еда не перевозилась через Урал с тех пор, как большевики взяли Екатеринбург, который находится недалеко от одного из самых богатых сельскохозяйственных районов в мире. Когда я был в городе в последний раз, то там была белая армия, но, тем не менее, мирные жители могли достать достаточно еды. Причина этой остановки заключается в социалистической теории, согласно которой государство должно накормить всех и что не должно быть ни частных ресторанов, ни магазинов, ни вообще среднего класса. Это убивает всё частное предпринимательство.

<...>

Вот один из примеров того, как работает коммунистическая теория. Когда я был в Екатеринбурге, в Тобольске находились тысячи тонн замороженной рыбы, но её оставили там гнить, потому что у правительства не было времени на её перераспределение, и никто не занимался этим. При любом другом

режиме предприниматель нанял бы сани, доставил эту рыбу за сорок восемь часов в Екатеринбург и продал её там населению. Но при большевизме ни один частник не сделал бы этого, поскольку (1) он был бы остановлен местной Чрезвычайной комиссией в Тобольске; (2) если он преодолел трудность № 1, то его рыба будет изъята местной Чрезвычайной комиссией в Екатеринбурге; (3) если он преодолел трудности 1 и 2, то деньги, которые он получит за рыбу, будут конфискованы у него, и его посадят в тюрьму за «спекуляцию».

Этот тройной барьер препятствовал тому, чтобы что-то делалось по частной инициативе, и поэтому вся рыба сгнивала. Такие же возражения применимы к торговле зерном и другими видами продовольствия. Правда был правительственный отдел снабжения, но я знаю, что в Москве он чрезвычайно коррумпирован. Так что я предполагаю, что в Екатеринбурге он еще более коррумпирован. Крестьяне не будут выращивать зерно, если оно будет передано госорганам, которые не заплатят за товар и посадят их в тюрьму, если они подадут жалобу. Крестьяне не восстанут, но пассивное сопротивление этой огромной тёмной массы, насчитывающей более ста миллионов человек, вызывает глубокое беспокойство советского правительства. Мужик является сфинксом положения. Ленин критикует его и называет капиталистом. Сфинкс улыбается и ничего не говорит, но Ленину не нравится ни эта улыбка, ни это молчание.

В Екатеринбурге был базар, на который приезжали крестьяне со своими телегами, но продавали они только ягоды, немного картофеля и моркови, а иногда небольшое количество масла и сыра. Толпа вокруг их повозок была так велика, что я никогда ничего не мог купить. В конце концов, после недельных поисков, я нашел маленькую лавочку, где можно было купить масло, если войти в потайную дверь и пройти по темным коридорам, соблюдая меры предосторожности, обычно принимаемые алчущими людьми в Америке. Поскольку приключений у меня и так было предостаточно, я не стал расследовать эту тайну. Я обратил внимание на нечто вроде будки размером с газетный киоск, где испуганный старик продавал масло и сыр, которые взвешивал с изысканной тщательностью ювелира, взвешивающего бриллианты. Поскольку весь его запас состоял не более чем из шести фунтов масла и двенадцати фунтов сыра в день, а он брал 1200 р. за фунт масла, то вряд ли можно утверждать, что он придерживался правила «небольшая прибыль, но быстрый оборот.» Я замечу, что в Москве сливочное масло стоило 3000 р.

Источники и литература

Дьяконов П. П. Россия и Англия // *Общее Дело*. 1921. № 296. С. 2–3.

Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. М., 2015.

Шабасова М. А. Американские журналисты в Советской России (1917–1923 годы) // *Известия Смоленского государственного университета*. 2016. № 2 (34). С. 159–168.

Dorr R. *Inside the Russian Revolution*. New York: The MacMillan Company, 1917. 243 p.

- Horgan J.* The Great War Correspondent: Francis McCullagh, 1874–1956 // *Irish Historical Studies*. 2009. Vol. XXXVI. No 44. pp. 542-563.
- Lansbury G.* What I saw in Russia. New York: Bonny and Liveright Publishers, 1920. XVII+172 p.
- McCullagh F.* A Prisoner of the Reds: The Story of a British Officer Captured in Siberia. London, 1921.
- McK L.* A Prisoner of Reds // *Irish Quarterly Review*. 1921. Vol. 10. No 40. pp. 655-657.
- Poole E.* The Dark People. Russia's Crisis. New York: The MacMillan Company, 1918.

Нечипорук Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Антропошколы (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия); эл. почта: d.m.nechiporuk@utmn.ru

“In a Propaganda Hall”: Red Ekaterinburg through Francis McCullagh’s Eyes

Among the numerous ego-documents, which were written by foreigners about Russia in the epoch of the Civil War, the reminiscences on the dramatic events in the Ural and Siberia holds a unique place. A travelogue of the Irish journalist Francis McCullagh (1874–1956), «A Prisoner of the Reds: the Story of a British Officer Captured in Siberia» (1921), who visited Russia as a member of Knox’s British military mission, has been an important evidence of political events in Ural in the first half of 1920. Nevertheless, McCullagh was watching the Civil War as a war journalist. He judged events in Russia through the prism of his personal religious and political beliefs. He was detained by the Bolsheviks in January 1920 in Krasnoyarsk, along with a group of British officers. However, McCullagh managed to conceal the reasons for his stay in Siberia and passed himself off as a journalist. This allowed him to travel by train from the East to the West toward the Finnish border to leave the country safely. In Siberia and Ural, he traveled through Novo-Nikolayevsk, Omsk, and Yekaterinburg. After reaching Moscow, McCullagh was arrested by the Cheka in April 1920 and spent several days in the Lubyanka prison. In May 1920 the journalist was finally able to leave Russia and return to London.

The memoirs of McCullagh are of interest for several reasons. Firstly, the book was written as a response to the tendentious portrayal of Bolshevism in Anglo-American journalism, although the author himself was not a supporter of the Communism. Secondly, McCullagh's religious nonconformism, his strong anti-Anglicanism sentiment, defined his perception of the Bolsheviks. He repeatedly compares the anti-religious policies of the Bolsheviks and anti-Catholic propaganda in the Great Britain. Thirdly, McCullagh's publications and speeches in the Anglo-American press were important evidence in favor of the version of the violent death of the Royal family at the hands of the Bolsheviks. The journalist believed that the tragic events were the initiative of the local Bolsheviks. During his stay in Ekaterinburg, he conducted his own investigation of the causes of the death of the Imperial family. Fourth, a significant part of the book is devoted to Yekaterinburg,

the city where McCullagh stayed three times in 1918-1920. Besides describing the daily life of Yekaterinburg, McCullagh explains the reasons of the Kolchak army defeat in the Urals.

Key words: Civil War, Russia, 1920, Ekaterinburg, Bolsheviks, propaganda, war journalism, ego-document

Dmitrii Nechiporuk, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of AnthroSchool (Tyumen State University, Tyumen, Russia); e-mail: d.m.nechiporuk@utmn.ru

References

D'jakonov P. P. Rossija i Anglija // *Obshee Delo*. 1921. No. 296. S. 2–3.

Rossija 1917 goda v jego-dokumentah. Vospominanija. M., 2015.

Shabasova M. A. Amerikanske zhurnalisty v Sovetskoj Rossii (1917–1923 gody) // *Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. No. 2 (34). S. 159-168.

Dorr R. Inside the Russian Revolution. N.Y., 1917.

Horgan J. The Great War Correspondent: Francis McCullagh, 1874–1956 // *Irish Historical Studies*. 2009. Vol. XXXVI. No. 44. pp. 542–563.

Lansbury G. What I saw in Russia. New York: Bonny and Liveright Publishers, 1920.

McCullagh F. A Prisoner of the Reds: The Story of a British Officer Captured in Siberia. L., 1921.

McK L. A Prisoner of Reds // *Irish Quarterly Review*. 1921. Vol. 10. No 40. pp. 655–657.

Poole E. The Dark People. Russia's Crisis. New York: The MacMillan Company, 1918.